

[Рец. на: / Review of:] **T. Kuteva, B. Heine, B. Hong, H. Long, H. Narrog, S. Rhee.** *World lexicon of grammaticalization*. 2nd, extensively revised and updated edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. xiv + 632 p. ISBN: 9781107136243.

Тимур Анатольевич Майсак

Институт языкознания РАН, Москва, Россия;
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия;
timur.maisak@gmail.com

Timur A. Maisak

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; HSE University, Moscow, Russia; timur.maisak@gmail.com

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.5.142-149

В конце 2019 г. было опубликовано второе, существенно дополненное издание «Всемирного лексикона грамматикализации», подготовленного коллективом авторов из шести человек. Основная часть словаря представляет собой перечень упорядоченных по алфавиту путей грамматикализации, наиболее распространенных в языках мира, в формате «источник > результат». Для каждого пути приводятся языки, в которых данное развитие засвидетельствовано, примеры, ссылки на функционально близкие переходы и литературу — в том числе работы, где соответствующие переходы рассмотрены более подробно. Так, путь грамматикализации SAY > PURPOSE (глагол ‘говорить’ > целевое значение) подтверждается данными языков эве, гокано, бака, коранко, лингала, табасаранского, купсабинь, креолов сранан и негерхолландс (с. 382–384). Помимо приведения собственно грамматического показателя цели, восходящего к глаголу речи, для семи языков дается пример предложения, иллюстрирующий употребление показателя, а для одного языка (бака) — также пример употребления лексического источника, т. е. глагола ‘говорить’. В конце этого словарного входа упоминается работа, в которой можно найти другие примеры реализации данного пути грамматикализации в пиджинах и креольских языках, а также дана отсылка к близкому переходу SAY > SUBORDINATOR (глагол ‘говорить’ > показатель подчиненной обстоятельственной клаузы).

Авторами первого издания «Всемирного лексикона грамматикализации», вышедшего в 2002 г. [Heine, Kuteva 2002], были известные специалисты по теории грамматикализации Бернд Хайне и Тания Кутева, у которых имеется и ряд других совместных работ — в том числе по языковым контактам, ареальному взаимодействию языков Европы и проблеме происхождения человеческого языка [Heine, Kuteva 2005; 2006; 2007]. Первое издание «Лексикона» содержало сведения более чем о 400 процессах грамматикализации с примерами почти из 500 языков мира (см. подробнее рецензию [Майсак 2003]).

Что же представляет собой новое издание «Лексикона грамматикализации», появившееся почти что «двадцать лет спустя»? При том, что общая структура справочника осталась прежней, изменения и обновления затронули разные аспекты работы: так, один только объем книги вырос с 400 до почти 650 страниц. Во втором издании расширен коллектив авторов: помимо Б. Хайне (Кёльн) и Т. Кутевой (Дюссельдорф / Лондон), в работе над книгой приняли участие еще четыре человека. Все они являются специалистами по языкам Восточной Азии: это китайисты Бо Хун (Пекин) и Хайпин Лун (Гуанжочу), японист Хейко Наррог (Сендай) и кореевед Сонха Ли (Сеул). Ранее Х. Наррог выступал соредктором Б. Хайне по двум сборникам, посвященным типологии грамматикализации [Narrog, Heine 2011; 2018], а Бо Хун и Хайпин Лун с соавторами выпустили китайскую версию «Лексикона» [Long et al. 2012]. Как отмечается во введении к изданию 2019 г., доступные для китайского, корейского и японского языков исторические свидетельства в ряде случаев

являются даже более древними, чем для языков Европы, что делает именно эти языки «идеальной лабораторией» для изучения процессов грамматикализации (с. 3).

Кроме шести авторов, на титульном листе перечислены и 12 «консультантов», роль которых не оговаривается — по всей видимости, это те коллеги, которые своими советами и замечаниями внесли наибольший вклад на этапе подготовки второго издания (в их число вошли такие известные современные лингвисты, как А. Ю. Айхенвальд, Дж. Байби, Э. Даль, Т. Гивон, П. Хоппер и др.).

В новом «Лексиконе» значительно расширен круг привлекаемых к рассмотрению языков — теперь их более 1000 (в это число входят не только отдельные языки, но в ряде случаев и их диалектные разновидности). Как и ранее, выбор языков был во многом продиктован желанием представить языковое разнообразие, по возможности избегая неравномерности выборки: в результате в книге присутствует лишь чуть более 5 % путей грамматикализации, представленных только в языках Европы (с. 2). Увеличилось и число входов «Лексикона», то есть собственно путей грамматикализации: их стало 544 (с. 1).

Композиция книги не претерпела изменений: как и прежде, не считая разделов с благодарностями и списком сокращений в начале, а также приложений и библиографии в конце, в ней три основные — но неравномерные — части. Во Введении (с. 1–22) авторы говорят о своем понимании грамматикализации, которая в их представлении включает четыре механизма: **расширение** (использование в новых контекстах), **десемантизацию** (утрату значения), **декатегоризацию** (утрату морфосинтаксических свойств, характерных для полнозначных единиц) и **эрозию** (утрату фонетической субстанции); они также кратко останавливаются на критике теории грамматикализации и принципе однонаправленности (необратимости) грамматикализации. Специальный раздел посвящен аспектам грамматикализации, проблематичным для составления «Лексикона» с его жестким форматом «от источника к результату». Авторы осознают условность такого представления, учитывая тот факт, что грамматикализации чаще всего подвергаются не лексические единицы как таковые, а целые конструкции (так, источником английского проспективного будущего *is going to* является не просто глагол движения *go*, но вспомогательный глагол в определенной форме и смысловой глагол в определенной форме — в алфавитной части словаря этот случай включен в переход *GO TO > FUTURE*). Пути грамматикализации, в которые не вовлечен определенный лексический или грамматический элемент, но лишь позиционное отношение (например, выражение сравнения ‘ты больше’ путем соположения клауз типа «ты большой, я маленький»), в «Лексиконе» не могли быть и не были учтены; то же касается использования морфологических процессов типа редупликации. Среди других кратко обсуждаемых тем — как определить направление развития, как выбрать наиболее подходящий ярлык, учитывать ли и каким образом контактно-обусловленную грамматикализацию и данные пиджинов и креольских языков; также освещается проблема неполноты источников данных и (частичная) зависимость составителей от интерпретаций авторов описаний. Авторы указывают, что включали в справочник лишь те пути, примеры которых засвидетельствованы более чем в одной языковой семье (хотя этот принцип и имеет исключения) и не включали некоторые предлагаемые в литературе пути или примеры грамматикализации в случае, если для них были предоставлены недостаточно убедительные эмпирические свидетельства. Также они признают, что все включенные в книгу данные являются лишь небольшой частью того множества случаев грамматикализации, которые отмечаются в языках мира.

Еще один раздел Введения посвящен тем аспектам в исследовании грамматикализации, которые появились либо наиболее активно развивались после выхода первого издания: это соотношение грамматикализации и Грамматики конструкций, проблема развития дискурсивных единиц (насколько «прагматикализация» отлична от собственно грамматикализации?), грамматикализация в условиях языкового контакта и грамматикализация в жестовых языках. Относительно последнего пункта стоит сказать, что некоторые примеры развития грамматических показателей в языках жестов вошли в «Лексикон», ср. такие входы, как

FINISH > COMPLETIVE, FINISH > IAMITIVE, FINISH > PAST, GO TO > FUTURE, PERSON (HUMAN BEING) > INDEFINITE PRONOUN, THING > INDEFINITE PRONOUN, TOUCH > EXPERIENTIAL, TRUE > INTENSIVE и др.

Вторая часть книги содержит обсуждение грамматических понятий, используемых в книге при формулировании переходов, т. е. собственно источника и результата грамматикализации (с. 23–33). Основную часть раздела занимает таблица со списком грамматических ярлыков и их толкованиями; всего их, по нашим подсчетам, около 190. Ряд ярлыков по сравнению с первым изданием был добавлен, а некоторые изменены. Так, к числу новых относятся AGAIN ('опять'), ANTPASSIVE ('антипассив'), APPLICATIVE ('апликатив'), AUGMENTATIVE ('аугментатив'), DISCOURSE MARKER ('дискурсивный маркер'), EXPERIENTIAL ('экспериментив'), FILLER ('филлер, заполнитель паузы хезитации'), GLOTTONYM ('глоттоним'), IAMITIVE ('ямитив'), INTERJECTION ('междометие'), NEW-EVENT ('новое событие', обращение внимания адресата на нечто, релевантное для коммуникации), NOMINALIZER ('номинализатор'), OSTENSIVE PREDICATOR ('остенсивный предикатор', предикативный элемент типа *вот, вона*), PERLATIVE ('перлатив', показатель движения через или сквозь), TOPIC ('топик') и др. Вместо прежнего DATIVE ('датив') стал использоваться ярлык RECIPIENT ('реципиент'), а бывший CONTINUOUS разделился на DURATIVE (дуратив в значении 'продолжать делать') и PROGRESSIVE (собственно прогрессив, показатель актуальной длительности). Наибольшим преобразованиям подверглись зоны эвиденциальности и модальности. В рамках первой противопоставляются прямой (EVIDENTIAL, DIRECT), инференциальный (EVIDENTIAL, INFERRED), репортативный (EVIDENTIAL, REPORTED) и квотативный (EVIDENTIAL, QUOTATIVE) подтипы; при этом как отдельный ярлык существует и собственно QUOTATIVE (показатель, вводящий чужую речь). В рамках модальности возможности и необходимости выделено семь функций, названных единообразно: это намерение (V-NECESSITY), долженствование (D-NECESSITY), вероятность (E-NECESSITY), «корневая» возможность (C-POSSIBILITY), разрешение (D-POSSIBILITY), эпистемическая возможность (E-POSSIBILITY) и способность (PI-POSSIBILITY). При том, что расширение инвентаря принимаемых к рассмотрению значений нельзя не приветствовать, сам принцип именованья модальных значений вряд ли стоит признать очень удачным: однобуквенные «префиксы» непросто запомнить, и в большинстве случаев модальные ярлыки в тексте справочника все равно сопровождаются пояснением в скобках, типа «V-NECESSITY (Intention)», что вызывает сомнение в необходимости краткого ярлыка в принципе. В списке грамматических ярлыков бросается в глаза отсутствие такого распространенного в языках мира значения, как каритив (приватив), которое недавно привлекло к себе повышенное внимание исследователей [Оскольская и др. 2020].

Самая объемная третья часть книги приходится на собственно каталог, или «лексикон», путей грамматикализации (Source–Target Lexicon), занимающий более 400 страниц (с. 34–462). Учитывая, что всего путей грамматикализации, включенных во второе издание, 544, по сравнению с первым изданием было добавлено более 100 новых переходов. Среди них много таких, в которых участвуют новые грамматические концепты, например, ACCOMPANY > COMITATIVE, ADVERSATIVE > MIRATIVE, ALREADY > IAMITIVE, ANDATIVE > EVIDENTIAL (DIRECT), MOTHER > AUGMENTATIVE, OSTENSIVE PREDICATOR > COPULA, SIMILATIVE > GLOTTONYM, а также целый ряд путей, результатом которых являются дискурсивные единицы (DEMONSTRATIVE > FILLER, GOD > INTERJECTION, WELL > DISCOURSE MARKER, LOOK > DISCOURSE MARKER, LISTEN > DISCOURSE MARKER и пр.). Имеются и новые пути для тех источников и результатов, которые фигурировали в первом издании, ср. AVLATIVE > INSTRUMENT, COME > PASSIVE, COMITATIVE > CAUSATIVE, ERGATIVE > CAUSE, GIVE > IMPERATIVE, GIVE > PASSIVE, GIVE > PERMISSION, QUOTATIVE > COMPLEMENTIZER и мн. др.

За основной частью следуют два приложения — перечисление путей от источника к результату и от результата к источнику. Они дают возможность понять, какие из источников и, соответственно, результатов грамматикализации являются наиболее частотными исходя из собранных в справочнике данных. Если ограничиться теми источниками, которые задействованы в пяти и более путях, то к наиболее частотным относятся 30: возглавляет список LOCATIVE (16 путей), за ним следуют COMITATIVE и SAY (по 11), GET и GIVE (по 10), ALLATIVE,

DEMONSTRATIVE, GO, ONE и TAKE (по 9), ABLATIVE (8), FINISH и SIMILATIVE (по 7), BACK, COPULA, HEAD, LEAVE и RECIPIENT (по 6) и, наконец, COME, COME TO, COPULA, LOCATIVE, D-NECESSITY (Obligation), DO, FOLLOW, MAN, PASS, REFLEXIVE, SEE, TEMPORAL, THING (по 5). Напомним, что одна лексическая единица может потенциально входить в разные исходные конструкции — так, наряду с GO отдельно выделяется исходный концепт GO TO, противопоставляются COME и COME TO, просто COPULA и COPULA, LOCATIVE и т. п. Заметим, что в приложении встречаются ошибки: так, например, для источника-аллатива приводится девять путей, но один из них (ALLATIVE > SEE) в «Лексиконе» не описывается (имеется обратный путь SEE > ALLATIVE); всего путей с аллативом восемь, хотя в основном тексте последний также носит девятый номер из-за того, что пропущен номер 4 (с. 55).

Результатов грамматикализации, к которым могут приводить пять и более путей, 41. Здесь чемпионом является PASSIVE (для него в справочнике отмечается 14 возможных источников), затем идут PROGRESSIVE (13), CAUSE, FUTURE и LOCATIVE (по 12), PURPOSE (11), AGENT, COMPLEMENTIZER, DISCOURSE MARKER и D-NECESSITY (по 10), HABITUAL (9), CLASSIFIER, COMPARATIVE, COPULA, N-POSSESSIVE и TEMPORAL (по 8), DURATIVE, A-POSSESSIVE и D-POSSIBILITY (по 7), AFTER, BEHIND, DOWN, EXPERIENTIAL, FRONT, IN (SPATIAL), INSTRUMENT, PROXIMATIVE, REFLEXIVE и UP (по 6), NP-AND, AVERTIVE, CAUSATIVE, CHANGE-OF-STATE, COMITATIVE, COMPLETIVE, EXIST, INDEFINITE PRONOUN, PAST, PLURAL, PI-POSSIBILITY и RELATIVE (по 5).

В третьем приложении перечисляется список упоминаемых в работе языков с их генетической аффилиацией. Как упоминалось выше, всего языков (и их вариантов) привлечено более 1000, включая некоторые пиджины и креолы, ряд мертвых языков, а также жестовые языки. Далее в работе имеется и указатель языков с перечислением страниц, на которых они упоминаются. Из него следует, что с наибольшим отрывом от остальных в работе представлены данные из английского, французского, немецкого, китайского, корейского и суахили; среди других часто упоминаемых языков (порядка 30 и более раз) — арабский, бака, бамбара, болгарский, испанский, латынь, лингала, минь, нидерландский, португальский, тамильский, турецкий, тайский, эве, японский и койсанский язык кьхунг (жу).

К «Всемирному лексикону грамматикализации» трудно предъявить какие-либо серьезные претензии общего характера. Хотя формат представления данных неидеален и зачастую упрощает картину, его условность подробно оговаривается самими авторами, а предложить какую-либо разумную альтернативу не так просто. В плане отбора путей грамматикализации и выбора ярлыков для грамматических понятий многие решения неизбежно субъективны и отражают предпочтения авторов, что в основном опять же оговаривается во Введении. Любой специалист по конкретному языку или языковой семье легко сможет назвать как новые примеры к уже включенным в «Лексикон» путям грамматикализации, так и новые, не зафиксированные там пути развития. Однако в первом случае трудно объять необъятное, особенно в книжном издании: составители неизбежно оперировали ограниченным набором источников данных. Что касается новых путей, то нередко они могут оказаться не столь распространенными в языках мира (ср. принятый в справочнике принцип воспроизводимости как минимум в двух языковых семьях) и, будучи интересными сами по себе, не обязательно будут претендовать на место во «всемирном» каталоге. Радикальное пополнение «Лексикона» возможно, как нам кажется, лишь в случае перехода к принципиально иному (открытому, онлайн-овому) представлению данных, о чем будет сказано далее.

Можно указать на ряд неверных или неудачных интерпретаций языковых данных в частных случаях (заметим, что некоторые из таких интерпретаций сохраняются в книге еще с первого издания). Ниже мы главным образом ограничимся материалом нахско-дагестанских языков, а также русского. Так, например, вызывает недоумение тот факт, что использование датива на *-z* в лезгинском языке для кодирования экспериенцера приводится как пример перехода ALLATIVE > PATIENT (с. 50): хотя лезгинский датив имеет направительное значение, экспериенцер при глаголах типа 'видеть' никак нельзя считать пациенсом (скорее, напротив, субъектом). Лезгинский инэссив упоминается при входе IN (SPATIAL) > DURATIVE как «показатель длительности» (marker of duration) со ссылкой на грамматику [Haspelmath

1993: 103] (с. 237). Однако в терминологии авторов дурагив — это глагольный показатель продолжения действия ('keep doing'), тогда как на соответствующей странице лезгинской грамматики речь идет об использовании инэссива с существительными темпоральной семантики (ср. *gzafjisara* 'много лет, на протяжении многих лет'); данное развитие должно фигурировать в другом входе, IN (SPATIAL) > TEMPORAL. На с. 304 лезгинское слово *seferd-a* отгlossировано как 'time-?' — действительно, в источнике [Ibid.: 254] глосса для суффикса в этом примере досадным образом пропущена, однако само по себе это слово употребляется в грамматике много раз, так что не составило бы труда найти его в других примерах с правильной глоссой (тем более что суффикс *-a* является как раз упоминавшимся выше показателем инэссива). При том, что примеры из лезгинского языка приводятся в «Лексиконе» около 30 раз, кажется неожиданным отсутствие упоминания лезгинских данных при переходе REMAIN > DURATIVE — лезгинские континуативные формы с глаголом *ama* 'оставаться' традиционно относят к ядру видо-временной парадигмы [Ibid.: 145]; то же касается использования падежных форм существительных *pad* и *qwal* 'сторона' в значении 'рядом, возле' [Ibid.: 207, 220], т. е. иллюстрирующих развитие SIDE > BESIDE, SIDE > NEAR. Это заставляет задуматься о том, каков в точности был алгоритм поиска примеров авторами — в частности, была ли систематически «расписана» определенная выборка грамматических очерков или же работа шла по какому-то другому сценарию.

Кажется не вполне логичным отнесение прогрессивной конструкции с гинухским вспомогательным глаголом *-iči-*, переводимым как 'be, stand, sit', к переходу SIT > PROGRESSIVE (с. 406), а не, например, к EXIST > PROGRESSIVE или STAND > PROGRESSIVE — по крайней мере, подтверждения тому, что основным значением вспомогательного глагола является именно 'сидеть', не приводится. На с. 108 второй переход с комитативом (COMITATIVE > NP-AND) ошибочно пронумерован третьим. На с. 157 цахурский язык назван «северовосточнокавказским языком, на котором говорят в Азербайджане, Россия (spoken in Azerbaijan, Russia)» — очевидно, имелось в виду «в Дагестане, Россия», тем более что приводимый (по статье А. Ю. Айхенвальд) пример взят из грамматики говора с. Мишлеш Рутульского района Республики Дагестан.

Примеры из русского языка могли бы быть добавлены к переходу PASSIVE > POTENTIAL, в котором пока вообще отсутствуют славянские данные (мы имеем в виду «модально-пассивное» значение русских *ся*-глаголов, ср. *Этот почерк не читается* или *Такие бокалы легко бьются*). Аналогично, русские данные могли бы иллюстрировать путь UP > ADDITIVE, на который пока дано только два примера из кено и румынского, показывающие образование числительных (ср. сюда же русск. *три-на-дцать*). К сожалению, из первого издания воспроизведена ошибочная трактовка русского *было* как авертива (COPULA > AVERTIVE): конструкции типа *машина поехала было...* не означают 'ситуация чуть было не осуществилась' — в отличие от двух других упоминаемых конструкций со связкой прошедшего времени (в румынском и финском), для которых удачным образом приведен уже прототипический авертивный пример 'я чуть было не упал'. Любопытно, что целый ряд русских примеров в «Лексиконе» представлен со ссылкой на устное сообщение М. Хаспельмата, что говорит о том, что русские данные не были учтены сколько-нибудь систематически (тут же отметим и отсутствие каких-либо русскоязычных работ в библиографии).

Для перехода SAY > EVIDENTIAL, QUOTATIVE остается неясным отличие не только от перехода SAY > EVIDENTIAL, REPORTED (что отмечают сами авторы на с. 381), но прежде всего от SAY > QUOTATIVE. К сожалению, в рамках входа SAY > EVIDENTIAL, QUOTATIVE нет синтаксических примеров, а по приводимым формулировкам типа «квотативная частица *din* в татарском происходит из деепричастия *ди-п* глагола с лексическим значением 'говорить'» (с. 381) не удастся понять, почему соответствующий показатель отнесен именно к эвиденциальному, а не чисто квотативному типу¹.

¹ В списке используемых грамматических ярлыков EVIDENTIAL, QUOTATIVE толкуется как «показатель, предоставляющий информацию о свидетельстве, на котором базируется сообщение, с указанием

В плане оформления примеров обращает на себя внимание неодинаковость представления морфемного членения: в части примеров морфемы просто разделены дефисами, в части — еще и отделены пробелами с выравниванием первой и второй строк (т. е. разделены так же, как и отдельные слова). Этот второй способ оформления, в котором морфемы как будто бы разделены знаками табуляции, кажется менее удобным для восприятия. Кроме того, в примерах, состоящих из двух строк, некоторые морфемы съезжают на вторую строку, так что слово оказывается разбитым (причем это не связано с тем, что слову не хватает места в строке): ср. разрыв лезгинских словоформ на с. 54, 55, 133, 302 и др. или разрыв французского *j'* и *ai* на с. 170.

Некоторые формулировки на протяжении книги воспроизводятся по несколько раз при разных переходах: так, четырежды повторяется достаточно большая сноска о возможных источниках показателя общего вопроса *s-question* (с. 59, 293, 306, 321), также четыре раза воспроизведена сноска о том, что квалификация результата грамматикализации как комплетива является условной и, возможно, более подходящим ярлыком был бы ямитив (с. 174, 252, 352, 418). Порядка десяти раз в переходах, иллюстрирующих развитие дискурсивных показателей, повторяется большой абзац про то, что соответствующий тип развития выходит за рамки собственно грамматикализации, поскольку демонстрирует не увеличение семантической и морфосинтаксической интеграции, а обратный процесс. Такие повторы более органично смотрелись бы в онлайн-базе данных, где каждый вход воспринимается независимо от других, однако в рамках книжного издания более оправданным кажется единственное упоминание с последующими отсылками к соответствующей странице или переходу. К стати, на нежелательность идентичных повторов обращалось внимание еще в рецензиях на первое издание, см. [Anderson 2003: 428; Simango 2004: 98].

В приложении, содержащем список языков, можно отметить некоторую непоследовательность классификации: в ряде случаев после названия языка приводится сразу название языковой семьи, в других случаях — еще и промежуточной ветви (группы) или нескольких промежуточных уровней; при этом названия таксонов верхних уровней могут не совпадать для родственных языков. Так, аварский характеризуется просто как «North, Caucasian», цезский — как «Tsezic, Northeast, Caucasian», другой язык цезской группы, хваршинский, — как «Dido, Northeast Caucasian» (без запятой); шорский, киргизский и татарский — просто «Turkic», тогда как, например, тувинский и хакасский — как «Northeastern, Turkic» и т. п. Заметим, что и это обстоятельство отмечалось в рецензии на первое издание [Anderson 2003: 428–429] (там же содержался ряд замечаний по опечаткам в записи турецких и вьетнамских примеров), и досадно, что они не были учтены, как и многочисленные дополнения по ряду путей грамматикализации с диахроническими данными германских языков из рецензии [Fischer 2003: 141–142].

В последние годы, как кажется, стало уже нормой при обсуждении какого-либо пути грамматикализации указывать на то, отмечен ли он во «Всемирном лексиконе» 2002 г.² Безусловно, новое расширенное издание будет также широко востребовано, поскольку является незаменимым источником для того, чтобы узнать, какие переходы уже занесены в «канонический» список и в каких именно языках они засвидетельствованы. Интерес к справочнику со стороны исследователей конкретных языков понятен: если какой-либо путь развития в издании отсутствует, есть основания полагать, что он является редким в языках мира или даже ограничен лишь определенной языковой семьей, а то и одним языком (следовательно, его изучению и описанию желательно уделить особое внимание). С другой стороны, наличие пути в «Лексиконе» может подкрепить догадку исследователя в сомнительных случаях, когда свидетельства в конкретном языке не полностью надежны.

авторства цитируемого источника» (с. 28), тогда как просто QUOTATIVE толкуется как «показатель, вводящий прямую речь» (с. 32).

² По данным Google Scholar (на 24.04.2021), первое издание «Лексикона» было процитировано 3361 раз.

Как отмечают авторы рецензируемой книги, ее результаты «могут пригодиться в диахронической реконструкции, в особенности в тех областях, где другие доступные историческому лингвисту инструменты, такие как сравнительно-исторический метод, сравнительная типология или внутренняя реконструкция, не дают приемлемого результата» (с. 1). Тем не менее остается открытым вопрос о том, как может — или как мог бы — пополняться «Лексикон» за счет примеров известных путей грамматикализации из других языков, а также новых, еще не зафиксированных в нем на сегодня путей. Количество новой литературы по типологии грамматикализации в последние годы не уменьшается — ср., например, публикации, посвященные определенным семантическим группам источников [Devos, van der Wal 2014] и обзором по конкретным языковым семьям и ареалам [Narrog, Heine 2018], в том числе два фундаментальных издания в чрезвычайно популярном в последние годы жанре «хэндбука» (как правило, это тысячестраничные тома увеличенного формата, содержащие несколько десятков обзорных тематических статей на определенную тему) от издательств Оксфордского университета [Narrog, Heine 2011] и «Mouton de Gruyter» [Bisang, Malchukov 2020]. Некоторые из этих работ учтены во втором издании «Лексикона», однако вряд ли поток публикаций иссякнет в обозримом будущем, тем более что источником для поиска путей грамматикализации в значительной степени являются не такие специализированные работы, а конкретно-языковые грамматики и словари.

В новом издании не обсуждается вопрос об альтернативном представлении собранных данных, помимо собственно книжного. Между тем за годы, прошедшие после выхода первого издания «Лексикона», в лингвистической типологии произошел настоящий прорыв в области создания онлайн-баз данных открытого доступа, ср. такие известные проекты, существующие уже не один год, как WALS — «Всемирный атлас языковых структур» (<https://wals.info>), WOLD — «Всемирная база лексических заимствований» (<https://wold.clld.org>), CLICS — «Типологическая база данных лексификаций» (<https://clics.clld.org>) и ряд других. Параллельно с изданием двухтомника [Bisang, Malchukov 2020] группой «Mainz Grammaticalization Project» (MAGRAM) подготовлена собственная база данных, которая включает около 1000 путей грамматикализации в языках, описанных авторами книги, и готовится к размещению онлайн к концу 2021 г. (<https://en.magram.fb05.uni-mainz.de>). Особенностью базы данных MAGRAM будет то, что помимо данных о языке и примерах грамматикализации каждый путь развития будет содержать количественную оценку по ряду параметров грамматикализации.

На этом фоне имеющийся только книжный вид «Всемирный лексикон грамматикализации» начинает казаться слишком «старомодным», а почти 20-летний цикл переиздания — слишком долгим. Если в 2002 г. призыв преобразовать книгу в онлайн-базу данных [Maisak 2002] мог казаться слишком радикальным, то в настоящее время это решение представляется скорее «дефолтным», тем более что в ряде подобных проектов (например, WALS) разработчики предусмотрели возможность «обратной связи» посредством комментирования на сайте. Хочется надеяться, что следующая встреча читателей с обновленным «Всемирным лексиконом» произойдет уже скоро и во «Всемирной паутине».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Майсак 2003 — Майсак Т. А. [Рец. на:] В. Heine, Т. Kuteva. World lexicon of grammaticalization. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002. *Вопросы языкознания*, 2003, 4: 134–139. [Maisak T. A. [Review of:] В. Heine, Т. Kuteva. World lexicon of grammaticalization. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002. *Voprosy Jazykoznanija*, 2003, 4: 134–139.]
- Оскольская и др. 2020 — Оскольская С. А., Заика Н. М., Клименко С. Б., Федотов М. Л. Определение каритива как сравнительного понятия. *Вопросы языкознания*, 2020, 3: 7–25. [Oskolskaya S. A., Zaika N. M., Klimenko S. B., Fedotov M. L. Defining caritive as a comparative concept. *Voprosy Jazykoznanija*, 2020, 3: 7–25.]

- Anderson 2003 — Anderson G. D. S. [Review of:] B. Heine, T. Kuteva. World lexicon of grammaticalization. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002. *Journal of Linguistics*, 39: 427–429.
- Bisang, Malchukov 2020 — Bisang W., Malchukov A. (eds.). *Grammaticalization scenarios: Cross-linguistic variation and universal tendencies*. In 2 vols. Berlin: De Gruyter, 2020.
- Devos, van der Wal 2014 — Devos M., van der Wal J. (eds.). *COME and GO off the beaten grammaticalization path*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2014.
- Fischer 2003 — Fischer O. [Review of:] B. Heine, T. Kuteva. World lexicon of grammaticalization. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002. *Functions of Language*, 2003, 10(1): 136–143.
- Haspelmath 1993 — Haspelmath M. *A grammar of Lezgian*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1993.
- Heine, Kuteva 2002 — Heine B., Kuteva T. *World lexicon of grammaticalization*. 1st edn. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002.
- Heine, Kuteva 2005 — Heine B., Kuteva T. *Language contact and grammatical change*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2005.
- Heine, Kuteva 2006 — Heine B., Kuteva T. *The changing languages of Europe*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2006.
- Heine, Kuteva 2007 — Heine B., Kuteva T. *The genesis of grammar: A reconstruction*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2007.
- Long et al. 2012 — Long Haiping, Gu Feng, Xiao Xiaoping (trans.), Hong Bo, Gu Feng (annotating). *Translations of World Lexicon of Grammaticalization*. Beijing: Beijing World Publishing Corporation, 2012.
- Maisak 2002 — Maisak T. [Review of:] B. Heine, T. Kuteva. World lexicon of grammaticalization. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002. *LINGUIST List*, 13.2166, Aug 24, 2002. <https://linguistlist.org/issues/13/13-2166/>.
- Narrog, Heine 2011 — Narrog H., Heine B. (eds.). *The Oxford handbook of grammaticalization*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2011.
- Narrog, Heine 2018 — Narrog H., Heine B. (eds.). *Grammaticalization from a typological perspective*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2018.
- Simango 2004 — Simango S. R. [Review of:] B. Heine, T. Kuteva. World lexicon of grammaticalization. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002. *Southern African Linguistics and Applied Language Studies*, 2004, 22(1/2): 97–98.

Получено / received 17.12.2020

Принято / accepted 26.01.2021